

Матч-турнир

Итак, шахматный мир впервые с 1886 года остался без своего короля (чемпион умер непобежденным). Что же делать?

Летом 1946 года в Винтертуре (Швейцария) состоялся первый послевоенный конгресс ФИДЕ. Он собрал всего лишь 6 делегатов — они разумно объявили свои решения рекомендациями. Но среди этих рекомендаций была одна особо важная — провести матч-турнир шести сильнейших шахматистов мира, победитель которого будет провозглашен чемпионом.

Пять из них были названы по АВРО-турниру: Эйве, Файн, Ре-шевский, Керес и Ботвинник. Шестой должен был быть определен дополнительно. В августе большой международный турнир в Гронингене мог сыграть в этом отношении решающую роль.

Как, однако, выяснилось после турнира (я об этом догадывался и раньше), с этим соревнованием связывались и другие расчеты — к этому мы еще вернемся.

В Голландию была направлена представительная советская делегация: Ботвинник, Смыслов, Болеславский, Котов, Флор, руководитель — Вересов. Прошу вместе со мной послать жену и дочку. Комитет физкультуры согласен.

Едем поездом через всю Европу со множеством пересадок. Наконец мы на границе Нидерландов.

— Кто будет первым в Гронингене? — спрашивает Флор по-голландски у таможенного чиновника.

— Эйве! — следует немедленно в ответ.

— А Ботвинник?

— Может быть, если не будет много... пить!.. (После матча Алехин — Эйве в 1935 году русские мастера имели в Голландии репутацию пьющих.)

И вот мы в Гааге. Оттуда на автомашине советской военной делегации через дамбу, отделяющую Зюдерзее от Северного моря, прибываем на север страны — в Гронинген.

Голландцы переживали трудное время. Пассажирские поезда формировались нередко из товарных вагонов — подвижной состав был разбит. Велосипедов стало явно меньше, нацисты миллион самокатов заложили как арматуру в бетон атлантического вала. С продовольствием и промтоварами плохо — почти все по карточкам. Цены высокие.

Отразилось это и на организации турнира, питание было весьма скромным. Наш посол В. А. Вальков отнесся к нам внимательно (кстати, до войны он в моем политехническом был доцентом — преподавал политэкономии) и систематически присылал Вересову талончики на продовольствие (из резерва посольства).

Перед турниром разразился скандал. Голландцы пригласили пятерых советских шахматистов, ограничив общее число участников двадцатью. Но затем организаторы расширили состав, не рассчитав, что сразу после турнира

в Москве должен состояться командный матч СССР — США. Если было бы больше 19 туров, пятеро советских гроссмейстеров, а также два американца (Денкер и Стейнер) опоздали бы на матч в Москву.

От Голландии в турнире должны были выступать двое — Эйве и Принс. Организаторы предложили Принсу выбыть из турнира — тот отказался наотрез. Следующий выстрел произвел Эйве — он заявил, что сам выходит из игры. Все, разумеется, запротестовали. Тогда предложили отказаться одному из советских. Вересов сообщил по моей просьбе, что Ботвинник отказывается от игры... Дело зашло в тупик. Убеждаю Вересова заявить Принсу, что если он выйдет из турнира, то получит приглашение на один из международных турниров в СССР. Гавриил Николаевич колеблется: нет у него на это полномочий.

Мастер Вересов всегда сидел в цейтнотах — был он тугодум. Очень рассеянный, все время о чем-то думал. За время нашего путешествия через Европу всегда и всюду забывал свой служебный портфель (кстати, этот портфель он одолжил у Флора), где хранились денежные средства нашей делегации. Любимым развлечением маленькой Оли было находить этот портфель и возвращать его владельцу. Когда мы улетали из Гааги, Вересов все же ухитрился забыть портфель... в посольстве!

Родился он, однако, в счастливой рубашке, и все у него получалось удачно. Так, однажды в Гронингене пошел он в парикмахерскую; парикмахер оказался сильным шашистом-стоклеточником (если не ошибаюсь, это был Дийкстра), и эта стрижка шахматного мастера способствовала установлению контактов между советскими и голландскими шашистами!

Наконец Вересов решился — общее ликование. Принс, конечно, понимал, что именно ему следует отказаться, он сопротивлялся из фанаберии; но теперь все было очень мило. Увы, несмотря на все мои старания, обещание пригласить Принса в Москву так и осталось обещанием...

Жили участники в отеле «Фрихе»; здесь же была жеребьевка. На церемонии открытия турнира выступил вокальный квартет: д-р Эйве с тремя юными дочерьми — Элыни, Каро и Фити. На русском они исполнили песню Дунаевского «Широка страна моя родная». Это был весьма дружелюбный и трогательный жест в адрес советского народа.

Играли мы в «Гармони» — прекрасный зал местной филармонии, интерес к турниру был огромный, зрителей — много. Из старшего поколения играли Бернштейн, Тартаковер и Видмар, о советских и американских мастерах читатель уже знает; участвовали еще Най-дорф, Сабо, Штольц, Лундин, Яновский, О'Келли и другие. Но

главным действующим лицом был, несомненно, Макс Эйве. Многие голландцы полагали, что раз Алехин умер, то справедливо будет провозгласить чемпионом Эйве — ведь именно у него Алехин в 1937 году отвоевал этот титул. Правда, конгресс в Винтертуре решил иначе, но ведь ФИДЕ ранее к этим вопросам отношения не имела! Вот только бы Эйве здесь, в Гронингене, стал победителем!

Со старта я захватил лидерство, но Эйве преследовал меня неотступно. В середине турнира мы встретились.

Это была наша шестая партия (с 1934 года). До нее счет был $3V_2 : 1V_2$ ^В пользу голландца; две партии он выиграл, три закончились вничью. Играть с ним мне было трудно: я плохо понимал его игру. Он ловко менял ситуацию на доске, делал какие-то «длинные» ходы фигурами (я их просматривал). Нужно отдать ему должное — он начинал стремительное наступление при первой возможности, точно считал варианты и глубоко изучил эндшпиль. Все считали его хорошим стратегом; однако я не могу не согласиться с Алехиным, который после своей победы в матч-реванше 1937 года писал, что считает Эйве тактиком. Конечно, Эйве знал множество известных стратегических идей, но глубоким стратегом он вряд ли мог быть, ибо по натуре своей — прагматик как в жизни, так и на шахматной доске.

Поэтому и играть мне, логику и во многом фантазеру, было с ним нелегко. Наша встреча в Гронингене не была исключением (№ 160). Сначала я получил хорошую игру (Эйве играл быстро, но несколько поверхностно), затем решил выжать из позиции больше, чем это было возможно; Эйве немедленно перехватил инициативу, и я с трудом отбивался. Эйве доказал в этой партии, как тонко он изучил эндшпиль: к перерыву он ловко свел игру к ладейному окончанию, которое как две капли воды было похоже на эндшпиль Ласкер — Рубинштейн (Петербург, 1914) с переменной цвета фигур. Ладейный конец неизбежно переходил в проигранный пешечный эндшпиль; мне впору было сдаваться.

Прибежал в отель «Фрихе». Жена кормит обедом; я только отмахиваюсь. Заглянул в шведский справочник Кольина, где раздел эндшпиля был составлен самим Рубинштейном, и тупо уставился на доску... Стук в дверь, и входит Вересов.

«Как дела?» — я сначала горестно покачал головой, потом все объяснил. «Михаил Моисеевич,— Вересов в меня верил,— может, что-нибудь найдете?»

Вдруг меня осенило — в отложенной позиции еще у каждой стороны по пешке: может, здесь пешечный эндшпиль ничейный? Так оно и оказалось! Тут же мы с Гавриилом Николаевичем с аппетитом пообедали и договорились, что все держим в секрете — вдруг ошиблись! А если противник до доигрывания ничего не узнает о нашем анализе, то за доской и разобраться не успеет в новой ситуации.

С понурой головой появляюсь в зале. Две тысячи голландцев простояли полтора часа, не двигаясь: каждый боялся потерять свое место и не увидеть капитуляции советского чемпиона. Эйве

покровительственно и сочувственно похлопывает меня по плечу; я с сокрушенным видом киваю в ответ — все, мол, понимаю... Начинается игра, делаю, казалось бы, бессмысленный ход (на самом деле ведет к ничьей). Эйве удивлен, затем задумывается, бросает на меня испытующий взгляд и надолго углубляется в позицию. Значит, все в порядке; подмигиваю Гавриилу

Николаевичу, и вскоре партия заканчивается мирным рукопожатием. Гробовая тишина — зрители онемели от изумления...

В дальнейшем мои дела пошли хуже: я чуть не проиграл Флору и «с треском» потерпел поражение в партии с Котовым — (правда, я был в нервном состоянии — в голландской прессе писали, что Смыслов и Болеславский проиграли мне по указанию Кремля), а на следующий день — в партии с Яновским. Эйве меня обогнал.

Вересов встревожился не на шутку и просит жену придти с дочкой на игру в «Гармони»: а вдруг поможет? Три победы подряд (над Котнауэром — № 163, Кристофелем и Гимаром — № 164) опять вывели меня вперед, и перед последним туром я на пол-очка выше своего конкурента.

Гора с плеч! «Теперь можно спокойно сделать ничью с Найдорфом,— говорю я секретарю посольства П. Слюсаренко (он привез талоны на питание нашей делегации).— Ведь Котов белыми сделает ничью с Эйве...»

Но Котов отказался играть на ничью. Он заявил, что будет играть на выигрыш (у Ботвинника он уже выиграл, ему хотелось выиграть и у Эйве). При таких обстоятельствах Котов и проиграть может... «Тогда вы выигрывайте»,— с начальственным видом заявил мне наш дипломат. И я — о наивность! — послушался и отказался от ничьей, предложенной Найдорфом еще до игры.

Играть пришлось не вечером, как обычно, а утром. Десять лет спустя повторилась та же история, что и в последнем туре Ноттин-гемского турнира, когда я из рук вон плохо играл с Винтером. Сiju в безнадежной позиции и переживаю свои промахи. Вдруг Найдорф утешает меня: «Не расстраивайтесь, Эйве также может сдаваться...» Так я и опередил экс-чемпиона в этой скачке с препятствиями! Смыслов был третьим, и вопрос с шестым участником матч-турнира решен.

«Знаете ли вы, как по-голландски звучит ваша фамилия? — спросил меня один шахматист.— «Бот вин ик». В переводе означает — «бот выигрываю я». Тогда я решил, что это весьма лестно, и радостно заулыбался.

Почти тридцать лет спустя я рассказал об этом эпизоде моему другу г-ну Гаудкелу — одному из руководящих деятелей Общества дружбы «Нидерланды — СССР»; Гаудкел хохотал от души. Оказывается, «bot win ik» имеет тот же смысл, что выиграть на дурачка!

Конечно, тогда, в 1946 году, голландский болельщик Макса Эйве мог считать, что победа на турнире в Гронингене досталась мне

случайно. Однако последующие события доказали субъективность этой точки зрения.

Торжественное закрытие. На сцене стоит какой-то громадный венок. Когда меня вызвали, два рослых голландца взяли венок и надели мне на шею. От неожиданности я не шелохнулся. («Хорошо себя вели,— посмеялись голландцы,— так и надо себя вести по этикету»). Лавров тогда, конечно, не достали, венок был из каких-то веток с фиолетовыми листьями...

Едем в Гаагу. В посольстве должен быть прием в честь нашей делегации, дипломаты собрались, а гроссмейстеров нет — они в Амстердаме тратят последние гульденy. Посол в тревоге; мои жена и дочка вместе с сотрудниками посольства развлекали гостей, а там подоспела и вся делегация.

На военный аэродром прибыл за нами военно-транспортный советский Ли-2 — поездом мы уже не поспевали на матч СССР — США. Утром улетали (первый раз в жизни лечу по воздуху) из Гааги, но в Москву попали на следующий день — командир решает ночевать в Берлине. Вместе с нами прилетел Эйве; он арбитр нашего матча.

Вечером советская команда собирается в «штабном» номере в гостинице «Москва»; на следующий день уже игра. Участники турнира в Гронингене утомлены до крайности, и успех советской команды под сомнением. Входит первый секретарь ЦК комсомола Михайлов и Романов.

Слово берет Михайлов. Он говорит о политическом значении матча и ставит задачу разгромить американцев с еще большим счетом, чем в радиоматче в 1945 году...

Оглядываюсь на своих коллег: кто изумлен, кто бледен от страха. Нет, молчать нельзя, а то еще с такими установками матч проиграем. Вежливо, мягко, но четко высказываю мнение, что стремиться надо к результату 15 : 5, то есть каждый должен постараться одну партию выиграть, а другую свести вничью.

Воцарилось напряженное молчание. «Кто хочет еще выступить?» Тишина. Чувствуется, Михайлов недоволен. Он уходит, за ним и Романов. Сразу начинается галдеж!

В первый день мы выиграли 7 : 3 (я спас тяжелую партию против Решевского). Наступил второй тур.

Что делается на других досках — не знаю, партия (№ 165) очень напряженная. Сначала черными добиваюсь во французской защите выигранной позиции — удалось провести весьма тонкий план. Затем все преимущество растерял. У меня уже похуже — надвинулся цейтнот. Решевский делает очередной ход и забывает нажать кнопку часов. Как быть? В турнирной партии я, не задумываясь, напомнил бы партнеру о часах — так я и поступил в партии с Боголюбовым в Ноттингеме. Но ведь это командная встреча! Сижу и спокойно думаю. Решевский смотрит на меня с удивлением: почему я не тороплюсь с ходом, времени у меня мало? Случайно посмотрел он на свои часы, все понял, подскочил как ужаленный,

хлопнул с треском по кнопке часов, но в последовавшей цейтнотной спешке потерял качество.

Выигрыш, правда, сомнителен, но записал я очень хитрый ход, блокирующий проходную пешку противника и препятствующий размену единственной пешки черных. Утром дома нахожу четкий план выигрыша. Звонят приятели, говорят, что общее мнение — ничья будет. Керес (он уже выиграл у Файна $1\frac{1}{2} : \frac{1}{2}$) указал за Решевского правильный план (ясно стало, что мой ход они не видят). Звонит Романов: «Что, Михаил, выиграешь?» В

особо важных случаях он переходил на «ты». «Работаю, Николай Николаевич...»

На доигрывании все просто. Решевский не понял эндшпиля. Только мы закончили игру, кто-то сжимает меня в объятиях: Романов! Оказывается, эта партия определила в нашу пользу результат и второго дня игры ($57_2 : 4^{1/2}$).

На следующий день утром на Георгиевской площади (что на Большой Грузинской) в ВОКСе собрались сильнейшие шахматисты мира: Эйве, Решевский, Керес, Смыслов и Ботвинник. Файн уже улетел, он торопился на родину, но оставил формальную доверенность Решевскому. Присутствуют Романов, председатель ВОКСа Кеменов, руководит совещанием А. В. Караганов. В. С. Кеменов приглашает своего переводчика (скромного, немолодого, уже лысоватого мужчину, небрежно одетого), который, несомненно, сыграл важную роль в наших переговорах, — обсуждали мы, как определить нового чемпиона.

Возражений против матч-турнира шести в принципе не было. Как только это выяснилось, я положил на стол давно подготовленный и во всех тонкостях продуманный проект «соглашения шести» о матч-турнире на первенство мира; предложил его обсудить и подписать.

Здесь началось... И пришлось же поработать нашему переводчику! Минут пять он переспрашивал нас, входил в курс дела. Затем освоился, понял, что каждый отстаивает, стал переводить синхронно. Затем он стал копировать наши интонации, вместе с нами кричал, сердился, был подчеркнуто вежлив... Такого переводчика никогда более я не встречал — настоящий артист!

Эйве и Решевский и слышать не хотели о соглашении, они даже не интересовались его содержанием. Они явно хотели оставить вопрос открытым. Догадаться о том, что они сговорились разыграть первенство мира без советских шахматистов, было нетрудно. Это и подтвердилось впоследствии. Надо было действовать решительно. «Если соглашение не будет рассмотрено и подписано сегодня, — говорю я в унисон с переводчиком, — завтра я направлю открытое письмо шахматистам в мировую прессу, где расскажу, что произошло на нашем совещании...»

Романов делает мне большие глаза, Кеменов — какие-то знаки. «Что это, угрозы?!» — взвизгнул Решевский вместе с переводчиком.

Но прагматик Эйве быстро смекнул, что произойдет, если Ботвинник письмо напишет! Спокойным тоном, как бы и не было никаких споров, он просит прочесть проект соглашения. Все прошло

псч-ьма мирно — проект был объективным. Только Решевский потребовал, чтобы по пятницам (после восхода звезды) и по субботам (до ее восхода) он был свободен от игры.

— Позвольте, но ведь раньше вы играли в эти дни?

— Да, но я и потерял отца — бог меня наказал...

Против таких аргументов спорить было невозможно, и все сог-ласились. Половина соревнования должна быть в Гааге, другая — и

Москве. Каждый с каждым играет по четыре партии, всего двадцать туров. Соглашение будет подписано вечером во время приема в ВОКСе по случаю закрытия матча.

На приеме американские шахматисты вручают Н. Романову (для передачи Сталину) — дар — тонкой работы трубку, на которой были установлены миниатюрные деревянные статуэтки, изображающие Сталина и Рузвельта за шахматным столиком.

Романов отводит меня в сторону, обнимает (сразу понял — что-то случилось) и говорит, что соглашение подписать сегодня нельзя: он не успел согласовать с правительством финансовые вопросы.

И тут сделал я типичную для себя ошибку — решил, что «партия» все равно выиграна и можно поблагодарить.

— А сколько времени нужно, чтобы согласовать эти вопросы? Месяца хватит?

Романов явно обрадовался.

— Ну, так заключим джентльменское соглашение (без подписания) с тем, что, если в течение месяца возражений не будет, оно входит в силу автоматически.

Эйве был тронут, остальные участники также согласны. Все расстались мирно и дружелюбно. Спрашиваю:

— Николай Николаевич, а трубка ведь хороша?

Романов бледнеет: он забыл о подарке американцев Сталину. Тревожно оглядывается по сторонам, и, о радость—трубка спокойно лежит на рояле. Романов успокоился, позвал одного из сотрудников Комитета, кивнул головой в сторону трубки и властно произнес:

— Отвечаешь головой!

Звоню Романову через месяц — ответа нет. Через два — то же самое. А из-за рубежа возражений нет, значит, на Западе соглашение уже признано!

В декабре вызывают меня к председателю.

— От соглашения надо отказаться.

— Почему?

— Все соревнование должно быть в Москве.

— Неправильное решение!

— Что? — вскричал Романов. — Решение руководства неправильное?!

— Да, по неправильному докладу...

Итак, все рухнуло. Ясно, когда Эйве узнает, что мы отказались от джентльменского соглашения, он объяснит всем, что с советскими шахматистами. нельзя иметь дела; он найдет способ определить нового чемпиона без нас!

Я решил оставить шахматы.

Кстати, осенью 1946 года мне попала в руки статья некоего Фрея в журнале фирмы «Браун-Бовери» — он пришел к тем же выводам по сильному регулированию возбуждения синхронной машины, что и я в своей кандидатской работе (с 1944 года я работал в техническом отделе Министерства электростанций). Я и решил довести свою работу 1937 года до

логического конца: расширить теорию, создать систему управления и экспериментально на крупном генераторе доказать истинность теории.

От чемпионата СССР — он начался в декабре — я отказался наотрез. Обо мне (в сообщениях о турнире) газеты ничего не писали. Все недоумевали: где же Ботвинник? Звонили родные — подозревали что-то неладное... Тогда в «Правде» было опубликовано интервью со мной — распространившиеся слухи погасли. Я дал себе слово больше не заниматься вопросами организации борьбы за первенство мира и полностью перешел на электротехнику.

Весной Слава Рагозин мне сообщил, что подготовлено решение о признании джентльменского соглашения, о посылке советской шахматной делегации в Гаагу на очередной конгресс ФИДЕ и о вступлении в ФИДЕ — там должно быть принято формальное решение о первенстве мира.

Потом выяснилось, что решение задерживается, есть опасность, что наши делегаты и не успеют прибыть на конгресс в Гаагу. После долгих колебаний решаю все же посоветоваться с Алексеем Александровичем Кузнецовым. В январе 1941 года в доме отдыха в Пушкине мы со Славой Рагозиным познакомились с ним — тогда Кузнецов был первым секретарем горкома партии в Ленинграде; теперь же он работал в Москве, секретарем ЦК партии.

— Не волнуйтесь, все будет хорошо,— слышу в трубке высокий голос Алексея Александровича,— делегация уедет вовремя.

Увы! Делегация вовремя не уехала. Если бы конгресс прошел точно по намеченной программе, наши делегаты (зампред Комитета Постников, гроссмейстер Рагозин и мастер Юдович) приехали бы на следующий день после закрытия конгресса. Помог случай: в ту пору в Хилверсуме проходил международный турнир, и организаторы на день прервали конгресс, чтобы провести экскурсию делегатов на турнир.

Началось заключительное заседание генеральной ассамблеи ФИДЕ. Главный вопрос — о первенстве мира. Докладчик — президент Шведского шахматного союза Фолке Рогард — должен сообщить делегатам от имени специальной комиссии, что же она решила: объявить чемпионом Макса Эйве (без игры!) или признать чемпионом победителя матча Эйве — Решевский (раз советские шахматисты отказались от соглашения, достигнутого год назад в Москве, рассматривались лишь эти два решения)... Здесь же присутствует экс-чемпион — он с нетерпением ждет решения своей судьбы. В этот момент в зале появилась советская делегация во главе с Постниковым. Дмитрий Васильевич берет слово и заявляет о вступлении шахматистов СССР в ФИДЕ, о признании джентльменского соглашения. Выступает Рогард. Ввиду изменившейся ситуации он отказывается от подготовленного доклада, по его мнению, вопрос должен быть рассмотрен заново. Эйве исчезает из зала...

Все было решено быстро. Единственный спорный вопрос — где должна проходить заключительная половина матч-турнира шести — в Москве или Гааге? Президент ФИДЕ голландский составитель задач

Александр Рюб (он был президентом с 1924 года — со дня основания ФИДЕ) зажимает в кулаки по белой и черной пешке. Циттерштейн — президент Королевского шахматного союза Нидерландов — уступает право первого «хода» советскому делегату, как гостю. Постников с размаху ударяет Рюба по правому кулаку — там белая пешка — и объявляет, что матч-турнир заканчивается в Москве!

— Ты понимаешь,— говорил мне Дмитрий Васильевич по возвращении,— я не мог поступить иначе; как бы я объяснял в Москве, что не сумел удачно вытащить жребий...

Дмитрий Васильевич вообще счастливчик: не было соревнования, где советские гроссмейстеры выступали неудачно при его участии! Он обладал природным даром налаживать контакты с сильными шахматного мира сего. Его любили и у нас, и за рубежом; иностранных языков не знал, но легко договаривался со своими зарубежными коллегами. Они ему говорили: «О'кэй», Постников им в ответ: «Полный о'кэй!»

Итак, за работу. Шахматы вернулись вновь, электротехнику — в сторону. Отказываюсь от поездки в Лондон на матч СССР — Великобритания — надо привести себя в порядок и хорошо отдохнуть. В декабре предстоит последняя проверка сил — международный турнир славянских стран памяти Чигорина.

Готовился я по своей системе, как в 1941 году. Снова моим товарищем по подготовке был Слава Рагозин. Не забыта и физическая подготовка: прогулки и (впервые в жизни) становлюсь на лыжи с жестким креплением. Шахматами занимаюсь со всей энергией.

Начинается турнир, все идет хорошо, но в одной партии просматриваю хитрый трюк и проигрываю — борьба обострилась. Много зависит от исхода партии с Кересом.

Как и в первом круге матч-турнира 1941 года, я играю черными. Как и тогда, эта партия (№ 173) имеет исключительное значение. Яркий комбинационный талант Кереса, высокая техника и — что таить — изящная внешность делали эстонского гроссмейстера популярным в шахматном мире. Многие видели в нем будущего чемпиона мира так же, как и в 1938 году после победы в АВРО-турнире.

У шахматного бойца Кереса были недостатки, хорошо мне известные. Первый недостаток — шахматный. Керес несколько неуверенно ориентировался в новых дебютных схемах, он предпочитал, как правило, устаревшие системы, поэтому он тяготел к открытой игре. Вторым недостатком — психологическим: в решительные моменты борьбы Керес несколько тушевался и, когда у него портилось настроение, играл слабее своих возможностей.

Я и решил с помощью этой партии лишить уверенности своего главного конкурента в предстоящей борьбе за первенство мира. Для первого места в турнире памяти Чигорина мне, вероятно, достаточно было сделать ничью. Кересу необходимо победить. Удобная ситуация; надо стремиться к затяжной позиционной, закрытой борьбе и не спеша собирать промахи

партнера, которые неизбежны, когда приходится искать выигрыш там, где его нет...

Играли мы эту партию два вечера. Я добился перевеса, затем получил выигранный конец, в котором практик Керес блестяще сопротивлялся, но и только.

Цель была достигнута. В матч-турнире Керес будет играть со мной неуверенно, популярность его поубавилась, да и победа в чи-горинском турнире обеспечена. Вторым в турнире был Рагозин.

И снова за подготовку. Живем вместе с Рагозиным в санатории, ходим на лыжах, проверяем в тренировочных партиях подготовленные схемы. Флор также согласился мне помочь: в матч-турнире каждый участник может иметь двух помощников в анализе неоконченных партий. Прошу Флора собрать материалы по ладейному окончанию с двумя лишними пешками «Ъ и «h»: я этот эндшпиль плохо знал, а он вполне мог встретиться в партиях соревнования. Флор отлично справился с задачей .

Но главным моим товарищем по работе был, конечно, Слава Рагозин. 20 ноября 1925 года в сеансе против Капабланки он также принимал участие, правда неофициальное,— он успешно помогал одному участнику, представителю клуба «Пищевкус». Жизненный путь Славы был нелегким: после школы пошел на хлебозавод, потом получил травму — кисть правой руки была повреждена. Затем не без труда закончил строительный институт — мешали шахматы, которым он отдавал свою душу...

Слава видел на шахматной доске (и в жизни!) то, что не видели другие. Иногда это особое «зрение» его подводило; нередко же давало ему возможность добиваться высоких достижений. Со мной играть ему было нелегко — моя игра была для него слишком реалистичной. Вероятно, друг у друга мы многому научились. Первую нашу партию мы сыграли в 1926 году в командных соревнованиях. Первую тренировочную — в 1929 году. Первый раз вместе готовились в 1936 году.

Характер у Славы был озорной, он способен был на лыжах скатываться с горки задом наперед, любил разыгрывать приятелей; в основе же своей это был глубокий человек, товарищ, на которого можно было положиться в трудную минуту!

С таким другом готовился я к решающим поединкам...

Пришло расписание туров голландской половины матч-турнира. К тому времени Файн отказался от игры, осталось лишь пять участников, и в каждом туре один претендент был свободен. Изучая расписание, я диву давался: в праздники (день рождения королевы и пр.) мы не играем... Подсчитал все точно и установил, что один из пяти участников будет перед последним туром гаагской половины гулять шесть дней подряд! Разумеется, такой режим игры будет во вред творческим и спортивным интересам и внесет элемент случайности. Стало известно, что все гости будут размещены в Схевенингене в отеле «Курхаус», в нескольких километрах от «Дирентоена», зала, где будет происходить игра,— также плохо. Перед игрой надо минут 15—20 погулять, чтобы сосредоточиться, а не переезжать в авто-

машине, слушая посторонние разговоры,— это может лишь нарушить творческую сосредоточенность.

Настаиваю, чтобы наши участники заявили протест, но на меня никто не обращает внимания. Начинаю подозревать, что мои коллеги сговорились не оказывать мне поддержки в этих вопросах: раз Ботвинник возражает, значит, ему все это невыгодно — зачем же нам его поддерживать? Видимо, интересы шахмат были здесь уже на втором плане.

Подозрения всего лишь подозрения, они нуждаются в проверке. Перед отъездом собираемся в кабинете председателя. Заявляю о своей несогласии с организацией турнира в Гааге, объясняю, что это вредит интересам дела. Все отмалчиваются. Настал момент, когда все должно проясниться.

— Предлагаю своим товарищам быть противниками за шахматной доской, но друзьями в вопросах организации соревнования. Я протягиваю вам руку...

Протянутая рука повисла в воздухе — Керес и Смыслов отвернулись. Председатель застыл как изваяние.

— Теперь все ясно,— заявил я,— отныне в организационных вопросах буду действовать независимо. А один из вас будет бездействовать в Гааге шесть дней подряд и на седьмой — потерпит поражение...

Опять поездом в Голландию. В Минске на вокзале нас встречает большая группа шахматистов, в Бресте гремит духовой оркестр:

— Не рано ли? — спрашиваю Славу Рагозина.

— Ба, да это Эстрин-Чернецкий,— посмеиваясь, отвечает мой собеседник.

Действительно, руководит всем этим парадом молоденький и предприимчивый мастер Эстрин. Рагозин тут же прибавил ему вторую фамилию в честь известного военного дирижера...

Приезжаем в Хук-ван-Холланд. Среди встречающих доктор Эйве. Едем в Гаагу, в посольство.

Посол Вальков и наш руководитель Постников о чем-то долго совещаются, потом приглашают участников и секундантов.

— Сейчас едем в Схевенинген. Там на берегу моря все будут жить в отеле «Курхаус» — так решили голландские организаторы...

— Не поеду,— говорю я.— Буду жить в отеле, откуда пешком до «Дирентоена» минут двадцать ходьбы.

Боже, что началось!.. Обвиняли меня во всех смертных грехах (я — непреклонен); да в центре города и мест в гостинице не найти—

убеждают меня. В этот момент в кабинете появилась высокая, худощавая и спокойная фигура — это был консул Филипп Иванович Чикирисов. Держался он независимо, и посол относился к нему уважительно — сразу возбуждение улеглось.

— Какие тут трудности? Посол объясняет ситуацию.

— Ничего, делу помочь можно. Попробую поговорить с хозяином отеля «Тве Стеден» (два города).

Филипп Иванович говорил по-голландски. Он съездил в отель и обо всем договорился. Все стало на свое место.

Когда Филипп Иванович вышел на пенсию, жил в Москве, был членом правления Общества дружбы «СССР — Нидерланды». При встречах на заседаниях правления мы всегда обменивались крепким рукопожатием и улыбались.

Поселились мы с женой, дочкой, Славой и Флором против парламента. Хозяин отнесся к нам гостеприимно, кормил превосходными цыплятами. Проверили со Славой расстояние до «Дирентоена» (он находился в Королевском парке) — ровно двадцать минут!

Тянем жребий. Мое предсказание начинает сбываться. Шесть дней подряд отдыхать будет Керес; на седьмой день он черными играет со мной в последнем туре гаагской половины. Если удастся нанести ему поражение в этот день, предсказание станет точным.

Все согласны, что поскольку Файна нет и количество партий сократилось, то следует сыграть пятый круг. Таким образом, в Москве будет три (а не два) круга матч-турнира.

В первом туре я был свободен. Во втором играю с Эйве белыми. Неужели так и не сумею приспособиться к его игре? Рагозин приходит за мной в светлом костюме (когда я играл черными, он надевал темный костюм) — и через двадцать минут «Дирентоен»; пробираюсь на сцену, сажусь за столик — здесь никто отвлекать не будет.

Начинается партия (№ 174). Удастся завязать сложную игру; замечаю, что мой партнер просчитывается. Он явно играет на ничью, на упрощения, но перевес белых нарастает, и к контрольному времени все уже кончено. Счастливые возвращаемся со Славой в «Тве Стеден».

Но обольщаться нечего — Эйве уже не тот, кем он был еще полтора года назад в Гронингене, он явно сдал. Эта партия всего лишь эпизод в тяжелой борьбе.

Затем следует трудная ничья со Смысловым; посчастливилось с Решевским — в нелегкой для меня позиции он, находясь в сильном цейтноте, просмотрел на протяжении четырех ходов потерю двух легких фигур. Наконец играю с Кересом.

Керес блестяще начал турнир — две победы подряд, но я полагал, что это не имеет большого значения. Рана, нанесенная ему в Москве, не может не сказаться, надо лишь собраться с духом!

Снова закрытая борьба, накопление мелких преимуществ; партия (№ 175) отложена с лишней пешкой, и надо найти форсированный выигрыш. Ищу и не нахожу — прошу помощи у Флора. Сало не подвел — отыскал такой «тихий» ход, что все стало ясно.

Доигрывание происходило в шахматном клубе Гааги, оно было скоротечным. После партии подлетел какой-то американский генерал и долго жал руку — его американский акцент был мне недоступен, но я понял, что есть шахматисты в Соединенных Штатах и среди военных!

Итак, $3\frac{1}{2}$ из 4 — неплохое начало. Затем три ничьи (не без приключений), и вот бедняга Пауль — после своего шестидневного «отдыха» — садится со мной за столик. Играть он, конечно, не мог. К 17-му ходу все было кончено. Он был настолько убит, что долго сидел и думал: какое принять решение? За секунд 30 до просрочки времени все же остановил часы, расписался на бланке и, ни слова не говоря, ушел. На следующий день голландские газеты отмечали эту необычную форму признания своего поражения (№ 177). Итак, 6 из 8. Теперь — Москва...

Едем в Москву поездом. В Берлине нас покидают Постников, Керес, Решевский и Бондаревский (секундант Кереса) — они летят в Москву самолетом. Решевский торопился — он не мог путешествовать в пятницу и субботу, а Керес хотел побывать в Таллине.

День в Берлине — и снова в путь. Эйве сопровождает целая компания голландцев — два его секунданта, два секунданта Решевского (Решевский, видимо, «уступил» свои два секундантских места голландцам), супруга д-ра Эйве, его дочь и другие. Прибываем на польскую границу, в Жепин. Наши паспорта что-то очень долго проверяют. Наконец является пограничник: советским шахматистам можно следовать дальше, голландцам — вернуться в Берлин за транзитной польской визой... Ну и ну! Оказывается, в суматохе забыли взять в Берлине транзитные визы голландцам (в Гааге тогда не было польского консульства).

Итак, опять надвигается катастрофа. Где гарантия того, что голландцы из Берлина поедут на восток, а не вернуться вместе с Эйве на запад? Эйве, конечно, как настоящий спортсмен, готов довести соревнование до конца (хотя у него всего $1\frac{1}{2}$ очка из 8), но если возникнет конфликт — с Берлина он считался нашим гостем, и мы обязаны были доставить его в Москву, — не воспользуется ли этим предлогом Голландский шахматный союз, чтобы отозвать эксчемпиона из турнира? Удастся ли тогда завершить матч-турнир и будет ли признан шахматным миром новый чемпион?

Нет, надо всем вместе ехать дальше. Объясняю Михаилу Михайловичу Вагипову (заместителю руководителя делегации) положение, он решительно поддержал меня, и вместе идем к пограничникам на переговоры. Те только руками разводят — закон есть закон...

— А в Варшаву позвонить можно?

— В Варшаву нельзя, а вот в Берлин — пожалуйста. Звоним в Берлин заместителю политического советника СССР. Тот все понял, он будет связываться с Варшавой, просит позвонить ему минут через двадцать. Идем к начальнику поезда — просим задержать отправление. «Вообще, не имею права. Но пассажиры счастливы, что едут с шахматистами. А вы в Москве меня выручите?» Итак, состав не отправляется. Звоним снова в Берлин: «Все в порядке. Министерство внутренних дел Польши дало распоряжение на границу...»

Ждем, никаких распоряжений нет. Звоним опять в Берлин. Заместитель политсоветника удивляется, просит позвонить попозже. Через

полчаса он сообщает, что говорил с Министерством иностранных дел — будет дано указание на границу. Ждите!

Ждем долго — все по-старому. (При переводе «К достижению цели» на английский мастер Кафферти, который, вообще говоря, отлично изучил русский, допустил забавную ошибку. Он перевел эту фразу: ждем долго, но все как в доброе старое время. В последний момент ошибка была исправлена.) Опять звоним. Заместитель советника обещает, что вновь свяжется с Варшавой. Через некоторое время узнаем от него, что канцелярия президента Берута уже в курсе дела и на сей раз осечки быть не должно.

Начальник поезда в отчаянии, пассажиры в гневе. В Бресте тогда была пересадка (тележки под вагонами в те годы еще не меняли), и стало ясно, что поезд Брест — Москва нас ждать не будет — опоздание было уже больше пяти часов! Но вот пограничники разрешают голландцам следовать через Польшу — можно трогаться. Прошу, однако, начальника поезда повременить с отправлением. Снова звоним в Берлин, благодарим заместителя политсоветника и просим договориться с Варшавой, чтобы наш поезд (он вышел из графика!) пропускали по Польше со всей возможной скоростью...

С опозданием на пять часов двадцать минут наконец трогаемся. Все стоянки сокращены до предела, Минск-Мазовецкий проходим без остановки. При подходе к Бресту опоздание уже сократилось до двух часов. Московский поезд нас ждал...

В Бресте — новое испытание. Таможенники проверяют багаж Эйве и находят толстые тетради. «Что это?» Оказывается, эти записи на голландском языке — секретные дебютные анализы Эйве. Так как в Бресте это проверить нельзя (там таможенники голландского не знают), по инструкции тетради должны быть отобраны у доктора Эйве и направлены в Москву на изучение...

Час от часу не легче! Вместе с Вагаповым пытаемся убедить работников таможни, но, оказывается, они сами понимают, какие роковые последствия это может иметь; они уже запросили Минск и ждут разрешения сделать исключение из правил.

Приходит отказ: «Передайте тов. Ботвиннику, что советские законы обязательны для всех...» Что же делать? «Поехали в обком партии, там по правительственному телефону свяжемся прямо с Москвой, автомашина уже у подъезда. Время еще есть». Бегом спускаемся по лестнице... «Назад, назад!» — раздается крик сверху. Поднимаемся. Оказывается, Минск сам запросил Москву, и разрешение получено! Теперь скорей на посадку.

Поезд трогается, иду в вагон-ресторан. Расстроенный Эйве сидит за столиком. Рассказываю, что все в порядке, доктор долго жмет руку.

— А могу я быть уверенным, что в ваших тетрадях ничего нет, что могло бы нанести вред Советскому государству?

Эйве торжественно в знак клятвы поднимает два пальца...

— А разве ваши варианты не направлены против советских шахматистов?

Общий смех. Да, теперь проведение московской половины матч-турнира обеспечено! Можно идти на боковую.

После переезда несколько дней отдыха. Гуляю утром по 1-й Мещанской (ныне проспект Мира) с дочкой. Прихожу домой, звонок из комитета: «Немедленно поезжайте в ЦК партии. Вас там ждут...» Являюсь в ЦК; дежурный направляет в какой-то кабинет. В коридоре встречает пожилой, подтянутый мужчина: «Почему опаздываете?» — отрывисто, по-военному спрашивает он. Догадываюсь, что это новый председатель Комитета физкультуры генерал-полковник Аполлонов. Сидим в приемной. Минут через пятнадцать мимо нас в кабинет проходит Ворошилов (он тогда ведал по Совету Министров физкультурой — перед отъездом нашей делегации в Гаагу принимал шахматистов в Кремле). Вскоре позвали и нас. Попали мы в кабинет А. Жданова. Жданов ходит, остальные сидят (присутствовали М. Суслов, А. Кузнецов, Г. Попов). Чувствуется, обстановка напряженная.

— Хотели мы поговорить с вами о матч-турнире,— начал Жданов.— Не думаете ли вы, что американец Решевский станет чемпионом мира?

Оказывается, и на самом верху есть шахматные болельщики!

Этот вопрос для меня не был неожиданным. Я догадывался, что до турнира определенные круги создавали мнение, что наиболее вероятным победителем будет Керес (а не Ботвинник),— в этом; вопросе они попали пальцем в небо. Но как неприятно сознаваться в ошибке! И, видимо, чтобы замутить воду, доказывали, что теперь может победить... Решевский!

После поражений, которые потерпел Керес в партиях со мной, он уже не котировался как будущий чемпион, вот и нашли нового «фаворита». Миша Черкес — председатель Ленинградской шахматной секции — накануне рассказывал мне, что по возвращении из Гааги гроссмейстер Бондаревский, выступая на физкультурном активе Ленинграда, объяснял, что Керес-де, мол, в неудачной спортивной форме, Ботвиннику просто «везет», а вот Решевский — подлинный талант; у Ботвинника сейчас очков больше, чем у Решевского, но у американца таланта больше, а это самое важное — оно и должно сказаться в московской половине матч-турнира... Конечно, можно понять те чувства, что одолевали секунданта Кереса после событий в Гааге, но, видимо, эти «теории» и преподносились как авторитетное мнение специалистов.

— Решевский может стать чемпионом.— Здесь я сделал паузу, все застыли, Жданов перестал ходить.— Но это будет означать, что сейчас на земном шаре нет сильных шахматистов.

Атмосфера стала спокойней.

— Почему же?

Объясняю, что Решевский, как говорили в старину, натуршпилер, это самобытный шахматист, но ограничен в понимании шахмат, недостаточно универсален; а главное — обладает органическим спортивным пороком: не умеет распределять время в течение партии, цейтноты вошли в систему...

Творческий путь Решевского был своеобразным. Шестилетний вундеркинд давал сеансы одновременной игры взрослым, затем он оставил шахматы до завершения образования, вновь вернулся к шахматам лишь в

30-е годы. Довольно быстро стал сильным гроссмейстером, регулярно побеждал в чемпионатах США, но международные успехи его не были выдающимися,— видимо, из-за этих очевидных его недостатков и как шахматного художника, и как спортивного бойца.

Мои объяснения показались убедительными.

— Хорошо,— сказал в заключение Жданов,— мы ВАМ,— на этом слове он сделал ударение,— желаем победы...

Стало ясно, что «теории» моих недоброжелателей отвергнуты. Я поблагодарил за доверие и ушел...

После этой беседы я не сразу разобрался в своих чувствах; потом все понял, и многое прояснилось. И пришел я в хорошее настроение — главное ведь состояло в том, что руководство партии высоко ценит шахматы и уделяет им внимание. Но разве шахматы этого не заслуживают?

Первая моя партия в Москве — с Эйве. В те годы любимым моим оружием был меранский вариант (в славянской защите) и за белых и за черных. Эйве также считал себя знатоком этого варианта. Но он не догадывался, конечно, что еще в 1941 году я нашел верный план игры в той системе, которую он случайно избрал в партии. Тогда же, в 1941 году, этот новый план был проверен в тренировочной встрече с Рагозиным.

Играть было легко. Почувствовав опасность, Эйве принимает стандартное решение — играть на упрощения. Но на доске еще ферзи, а черный король застрял в центре! Централизованный белый конь приносится в жертву, зато белые тяжелые фигуры окружают черного короля. Эйве отдает ферзя, но и это не помогает. Вероятно, это лучшая моя партия (№ 178), сыгранная в матч-турнире. Вторую партию выигрываю у Смыслова (№ 179). У меня уже 8 очков из 10!

Но в следующем туре меня ждал страшный удар. Я, к стыду своему, не знал одной дебютной системы в защите Нимцовича, введенной в турнирную практику еще Капабланкой. С трудом поддерживал я равновесие в партии с Решевским, но затем не выдержал напряжения и проиграл. Неприятное поражение — только что я доказывал, что Решевский не опасен, и...

Однако это оказалось лишь эпизодом в турнирной гонке. Выигрыш у Кереса укрепил положение лидера. Затем ничьи с Эйве и Смысловым, и вот — четвертая партия с Решевским.

Решевский играл начальную стадию очень тонко, но в выборе дебюта — французская защита — ошибся: это начало я играл более двадцати лет. В решающий момент мой партнер допустил просчет,

и перевес перешел к черным. В цейтноте Решевский еще более ухудшил свою позицию, и доигрывание ничего уже изменить не могло (№ 180). К последнему кругу я обогнал своих партнеров настолько, что если бы вышел из турнира, то дележ первого места все равно был бы гарантирован! Осталось сделать еще одну ничью, чтобы обеспечить победу.

9 мая 1948 года. Праздник — День Победы. Дом Союзов осажден шахматистами. Играю белыми с Эйве. После дебютных ходов позиция упростилась. Предлагаю ничью, но партнер отказывается.

«Хорошо, будем играть дальше». У Эйве не выдерживают нервы, и он тут же соглашается на мирный исход партии. В зале гремит овация. Чемпион мира — советский шахматист. Это был успех не одиночки, а целого поколения. На завоевание первенства мира, на освоение высот шахматного мастерства молодому поколению советских мастеров потребовалось примерно четверть века. Принципы советской шахматной школы, исследовательский характер нового направления оказали влияние на развитие шахматной мысли. Новый чемпион был признан всем шахматным миром.

Арбитр турнира престарелый Милан Видмар успокаивает зрителей, и игра возобновляется. Ухожу за сцену, там уже ждет министр электростанций Жимерин и приглашает к себе домой.

— Хорошо, но выйдем через подъезд Октябрьского зала — там публики нет.

— Пойдем через выход Колонного зала,— неожиданно решает министр,— надо общаться с народом...

И пошли «общаться». Собственно, не шли, а качались из стороны в сторону в восторженной толпе, которая заполнила Охотный ряд. Как ни относились дружелюбно к нам окружающие, двигались мы с черепашьей скоростью. Наконец добрались до «Победы» (Горьковский автозавод только стал их выпускать), которая нас ждала, и уехали.

Играю последнюю партию со Смысловым. Предлагаю ничью.

— А у Решевского будете выигрывать? — Вася Смыслов уже думал о втором месте.

— Постараюсь!

Это был сложный вопрос. Решил я с американцем сыграть дебют четырех коней. Там белые практически застрахованы от поражения, а черные, если хотят играть на выигрыш, должны рисковать. Решевский, конечно, рискнул... и проиграл (№ 182)!

Осталась последняя партия, с Кересом. Попадаю черными в трудную позицию, но Керес допускает неточность, и мне стало легче. Предлагаю ничью, Керес отказывается. Устал я до предела — думал минут двадцать и так и не нашел, что в этот момент мог вынудить ничью повторением ходов (после партии Пауль показал эту возможность), и я проиграл. Кое-кто решил, что это умышленный проигрыш (я даже получил теплую телеграмму из Эстонии). Каюсь, ничьи по соглашению делал: с Лисицыным в 1931 году, с Флором в 1933 году и др.— всего не перечтешь, но

в своей спортивной жизни никогда и никому сознательно не проигрывал.

Гаянэ Давидовна тоже радуется. Прошло четырнадцать лет с той поры, как мы с ней познакомились. Это было 2 мая 1934 года; Яша Рохлин — ныне он председатель шахматной федерации профсоюзов — устроил

вечеринку. Жил он тогда на Васильевском острове. Его жена была артисткой балета, она и пригласила свою подругу... Обе они учились у знаменитого балетного педагога Агриппины Яковлевны Вагановой. Когда однажды Рохлин представлял меня ей, он сказал: «Гроссмейстер балета, разрешите познакомить вас с гроссмейстером шахмат...»

Возвращались ночью, Николаевский мост (ныне мост лейтенанта Шмидта) через Неву уже разведен, Дворцовый тоже вот-вот должны развести. Полил дождь, моя прическа вконец испорчена, и я искренне волновался, что не сумею понравиться хорошенькой девушке. Но страхи оказались напрасными, и ровно через год на квартире у родителей жены собрались друзья и родные, чтобы отпраздновать свадьбу.

Да, жене тоже пришлось нелегко в этой трудной борьбе...

На приеме в ВОКСе Романов (он тогда был членом Комитета физкультуры) обнимает меня и говорит: «За пятнадцать лет чемпионства уверен...» Николай Николаевич не ошибся; не мог же он предвидеть, что будут два годичных перерыва!

Но и после турнира стало не легче: закрытие, встречи, концерты, беседы. Самым тяжелым, несомненно, было сознание того, что стал чемпионом. Это мешало жить. Но все же выдержал. Инстинкт самосохранения сработал. Скоро я забыл о том, что чемпион. А когда вспоминал и становилось как-то не по себе, то мыслил: «А что это такое — чемпион? Всего лишь выигрыш соревнования на первенство мира. И ничего больше!..»

Теперь надо возвращаться к электротехнике, там тоже следует начатое дело довести до конца; это полезно и со спортивной точки зрения: появится вновь шахматный «голод».